

ПАРАДОКСЫ АНТРОПОЛОГИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

А. В. Усачев

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

Поступила в редакцию 27 января 2024 г.

Аннотация: антропология Н. А. Бердяева (1874–1948) находится в корпусе знания, который выдвигает философ в своих экзистенциальных и персоналистических штудиях. Антропология является своего рода вершиной обобщений философа, которые касаются предназначения человека, а также организуют поиск ответов на злободневные вопросы современности. Антропология, как ее замыслил русский философ, должна отвечать на самые острые вопросы, возникающие в процессе философствования в таких разделах, как онтология, гносеология, этика, теодицея, учение о личности. Все эти философские дисциплины насыщены парадоксами, которые требуют своего разрешения в просвете человеческой жизни и должны отвечать требованиям, возникающим у страждущего ума в познавательном процессе.

Ключевые слова: личность, парадокс, творчество, свобода, антропология, гносеология, онтология, картина мира.

Abstract. N. A. Berdyaev's (1874–1948) anthropology is located in the corpus of knowledge that the philosopher puts forward in his existential and personalistic studies. Anthropology is a kind of the pinnacle of the philosopher's generalizations, which relate to the purpose of man, and also organize the search for answers to topical issues of our time. Anthropology, as conceived by the Russian philosopher, should answer the most pressing questions that arise in the process of philosophizing in such sections as ontology, epistemology, ethics, theodicy, the doctrine of personality. All these philosophical disciplines are saturated with paradoxes that require their resolution in the lumen of human life and must meet the requirements that arise in the suffering mind in the cognitive process.

Key words: personality, paradox, creativity, freedom, anthropology, epistemology, ontology, worldview.

Антропология Н. А. Бердяева раскрывается главным образом в книгах довоенного периода в 1930-х гг. Здесь важны такие работы, как «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «Судьба человека в современном мире» (1934), «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934), «О рабстве и свободе человека» (1939). Именно в произведениях этого времени он разрабатывает основные особенности существования человека современности и отмечает парадоксальность его бытия. Наряду с Бердяевым о человеке задумывались многие западные мыслители, и их научные позиции являются более чем интересными и концептуальными.

Цель данной статьи – продемонстрировать, что структура парадокса позволила Н. А. Бердяеву показать узловые моменты антропологической концепции и провести мысль о том, что человек и личность – неоднозначными сущностями, которые не могут быть продуманы до конца.

Задачи текста:

– сравнить идеи европейских антропологов и Н. А. Бердяева;

– дать обзор антропологических идей русского философа;

– показать основу его отрицания традиционной философии в пользу своих взглядов.

Метод, с помощью которого Н. А. Бердяев ведет свои антропологические изыскания, можно назвать его же словами – «живые созерцания духа» [1, с. 47]. Он не прибегал к помощи других методов, потому что считал их порождением «онтологического тоталитаризма» [2, с. 34], который блокирует истинно творческое познание и не дает простора духовному постижению какой-либо сущности, интересующей философа. Такие важные понятия, как «человек», «личность», «свобода», «творчество», должны познаваться во всей своей глубине, которая рождается на фоне Ничто и способствует становлению полноты бытия. В гносеологии, в частности, речь идет о том, что философы современности пишут свои произведения о чем-то, а надо писать что-то. В этой особенности раскрываются частичность существования и невозможность познавать во всей полноте, к которой призван мыслитель современности. Когда пишут о чем-то, это свидетельствует о том, что личность философа находится в мире следствий, который характерен для социального бытия, где властвует детерминизм. И поэтому необходимо прежде всего

установить отношение с *Ungrund*, т. е. первозданной глубиной и рождающей бездной, которая ставит свободу перед бытием и отдает предпочтение духовным методам познания, а не научным и спекулятивным. Незнание первичной бездны, о которой говорит Н. А. Бердяев, обрекает мысль быть постоянным и безвыходным объективированием, незнанием своего истока. «Объективирование и ведет к тому, что и познающий и познание перестают быть "чем-то" и делаются "о чем-то". «О чем-то» и значит быть объектом» [2, с. 40].

Проблема, волнующая русского философа, заключается в том, как в разговоре о человеке избежать объективирования, уйти от социологических определений и укорениться в контексте истинного познания. Он стремится, прежде всего, уйти от гносеологии, которая делает предметную сферу человека исключительно логической, подчиненной нормам и правилам, что является ограничением свободы и не может свидетельствовать о сущностном проникновении в тайну современного человека. Гносеология не использует трансцендирования, а значит, она не имеет познания качеств, которые очень нужны в подлинно философском размышлении и исследовании [3, р. 117].

Философские работы о человеке могут быть очень разными, и точка зрения Н. А. Бердяева стремится объять все концепции и найти в них закономерности, которые выделяют его в особый род подлинных результатов. Сравнение концепций дает незаменимое качество верификации и точности взгляда на человека. Так, Э. Кассирер полагает, что «нет другого способа понять человека, кроме изучения жизни и поведения. Однако то, что мы при этом обнаружим, не может быть описано одной-единственной простой формулой. Неизбежный момент человеческого существования – противоречие. У человека нет «природы» – простого и однородного бытия. Он – причудливая смесь бытия и небытия; его место – между этими двумя полюсами» [4, с. 15]. В своей идее исследования человека Э. Кассирер стоит на религиозной точке зрения, различая онтологические состояния человека до грехопадения и после. «Человек не может доверять себе и читать в себе. Он сам должен молчать, чтобы слышать высший глас, глас истины» [там же, с. 16]. Э. Кассирер является религиозным мыслителем; то же можно сказать и про Н. А. Бердяева. Но можно говорить о том, что теоретические позиции немецкого и русского философов не совпадают. В антропологии русского мыслителя человек живет, полагаясь на собственный творческий потенциал, который раскрывает перед ним подлинные сущности окружающего мира и показывает те тайны, которые приводят мысль к своим собственным границам. Но

есть и общее у этих двух мыслителей, а именно они оба различают человека в райском состоянии до грехопадения и человека падшего, который стремится обновиться до прежнего положения и возобновить свое бытие в райском саду своего духа.

В 1928 г. М. Шелер публикует свою программную работу «Положение человека в космосе», где он говорит: «Особое положение человека может стать для нас истинным только тогда, когда мы рассмотрим все строение биопсихического мира» [5, с. 33]. Немецкий мыслитель настаивает на точке зрения, согласно которой человека нельзя определить с помощью биопсихических методов, а духовность человека противопоставляет его биологической психической данности. Для Н. Бердяева все еще радикальнее. В разговоре о человеке даже нельзя ставить задачу использования биопсихических методов потому, что они не имеют никакого отношения к сущности человека и далеки от того сверх-бытия и сверх-познания, которые единственные могут приблизиться к разгадыванию тайны человека, раскрыть сущность его личности. Однако можно говорить, что мысль обоих философов является со-направленной в силу того, что они выдвигают на первый план идею о том, что познание окружающего мира и познание человека происходят на совершенно разных путях. В познании человека необходимо преодолеть отчуждение мира и его сопротивление, необходимо остановиться на трансцендентных сущностях. Человек – единственное существо, прикасающееся к ничтожным качествам бытия, рассматривающее все в свободе и вырабатывающее основы истинного познания, фундаментом которого является он сам. Духовные виды реальности играют здесь ведущую роль.

Отличается точка зрения русского философа и от позиции Х. Плеснера. Немецкий философ пишет: «С той же самой непосредственностью и жизненностью, каковые экзистенциально присущи человеку по отношению к себе самому, окружающим людям своему времени, в котором он высказывает себя и знает о себе, он знает также и о природе. Поэтому она не есть переживание, но совершенно полная действительность, которая становится для человека переживанием и поддерживает его от рождения до смерти как фундамент и среда его существования» [6, с. 99]. Согласно данному тексту, человек является существом, которое имеет в своем сущностном составе природу. Н. Бердяев, в свою очередь, утверждает: «Антропология должна качественно выделить человека из природы» [2, с. 89]. Философ разъясняет свою позицию и говорит, что познание человека с помощью изучения природы невозможно постольку, поскольку в природе властвует только одна гносеология – субъект-объектная дихотомия, указывающая

на расщепленность человека и всех познаваемых сущностей.

Одним из ведущих компонентов классической философской мысли является субъект-объектная пара. Она обладает своей спецификой, которая способствует прояснению ряда философских положений, как в теории познания, так и в онтологии. Но в зависимости от направления мысли данный познавательный инструмент играл несколько разную роль. Классический континентальный европейский рационализм настаивал на том, что субъект является главным и основным видом познавательной инстанции постольку, поскольку он обладал разумом и предпосылками для рационального познания. Субъект доминировал и стал основой для образования многих школ рациональной направленности [7, с. 124]. Субъект владел совокупностью понятий и категорий, которые способствовали глубокому и истинному раскрытию сущего, конструированию картины мира. Объект в этой паре становился вторичным, неточным, примерным, связанным с относительной по своей сущности чувственностью, которая дает искаженную форму действительности. Объект может быть конституирован как некая сумма данных, в некоторых случаях подтверждающих разумно-рассудочные выводы о действительности.

Вторая точка зрения характерна для англосаксонского эмпиризма и заключается в том, что в дихотомии субъекта и объекта ведущую роль играет объект, означающий окружающую действительность, которая познается опытным путем. Объект является основой опыта как ведущей инстанции познавательного процесса, он формирует опыт и позволяет ему становиться универсальным содержанием разума страждущего человека, записывая на чистом листе сознания знаки и символы бытия. Чувства в этом варианте философии обладают адекватной реальностью и авторитетностью, способными сделать из абстрактного субъекта полноценную познающую личность.

В итоге можно остановиться на суждении, что субъект и объект – это рубрики мышления и категории классической гносеологии, которые не могут быть отброшены исходя из классических требований к познавательному процессу. Но, возвращаясь к теме статьи, надо отметить, что Н. А. Бердяев писал в неклассическую эпоху развития философского знания и такой строгости и обязательности в применении субъект-объектной структуры уже не было. В повестке дня появились интуитивные, религиозные, творческие формы познания, которые лишь отчасти перекликались с классической философией. Русский философ сознательно и убежденно шел на то, чтобы расстаться, по существу, с классическим

наследием гносеологии, в том числе и с понятиями субъекта и объекта. В формальном отношении субъект означает человека, направленного на создание какой-то определенной в качественном отношении ситуации – познавательной, деятельностной, активной. В этом смысле субъектность говорит о том, что человек на постоянной основе стремится преодолеть себя, выйти за пределы своей эмпирической данности. Преодолеть собственную границу, исходя из рубрики субъекта все-таки невозможно потому, что граница понимается как природа [8, с. 412], а она может быть осмыслена только в контексте применения субъекта и объекта. Согласно идеям Н. А. Бердяева, преодоление ограниченности человека возможно только в духе, а не в природе. Природа теснейшим образом связана с объективацией, постоянным появлением и исчезновением предметов и феноменов, что способствует усредненности человека и развитию его статичных характеристик: он в таком контексте воспринимается и полагается как индивидуум, т. е. один из многих, такой же, как все и т. д. Индивидуум должен пройти путь от своего статуса до положения личности. В личности индивидуальность и субъект-объектная дихотомия становятся вторичными, природными, неорганичными для человека. Индивидуумы пребывают в природе, в духе существуют личности. «Личности присущи творчество и свобода» [9, с. 63]. Познание личности происходит в персонализме Н. А. Бердяева сверху вниз; учитывается свечение высших сущностей, которые проливают свет на потенциал бытия человека в данном статусе. «Нельзя понять человека из того, что ниже его, понять его можно лишь из того, что выше его» [2, с. 85]. Можно остановиться на выводе о том, что природное содержание рубрик мышления субъекта и объекта носит отрицательный характер в деле сущностного познания, к которому взывал русский философ.

В проблеме человека, исходя из аналитики Н. А. Бердяева, есть много парадоксов, которые делают познание неоднозначным. Парадокс имеет экзистенциальную нагрузку потому, что он отражает действительное положение дел в реальном существовании. Парадокс по определению означает конфликт в мнении и то, что разрушает обыденный взгляд на вещи. Именно в этом ключе действует русский мыслитель, когда формулирует свои парадоксы, касающиеся человека и проблемы его познания и осмысления.

Первый парадокс можно назвать этическим. Он ставит человека перед проблемой добра и зла, в которой самоопределяется в течение всей своей жизни. Надо обязательно осознать этот парадокс для того, чтобы понять изначальную тайну и сложность соот-

ношения добра и зла в мире, в котором человек живет. Парадокс связан с тем, что добро рождается из глубины Ничто, но это в мировой данности происходит синхронно со злом, которое также носит нерешенный характер. Добро может проявить свою сущность только на фоне зла, и это заставляет человека встать перед вопросом о роли Бога в рождении зла – была это его воля или нет. Диалектическая сущность добра всегда предполагает зло, делает его законным представителем перед лицом мировой данности [2, с. 112].

Второй парадокс касается личности человека. Его можно назвать персоналистическим. Для русского мыслителя личность играет первостепенную роль в его размышлениях на тему человека. В ней он стремится увидеть «экзистенциальный центр» всего происходящего в познании и жизни. Это значит, что такие качества, как творчество и свобода, становятся первоочередными в разговоре на тему личности. С этим и связан парадокс. С одной стороны, человек должен придерживаться творческих актов и проявлений духовности, чтобы стать личностью, а с другой – творческие акты и движение в духе уже являются характеристиками личности. Таким образом, возникает неразрешимое противоречие, которое воздвигается в ранг парадокса, о том, что человек еще не личность и в то же время уже личность. Н. А. Бердяев сторонился психологических исследований потому, что они его не устраивали с самого начала. Он писал: «Психологизм должен быть преодолен в философии, но антропологизм не может быть преодолен» [там же, с. 84]. Единственным психологом, на кого он обращал свое внимание и признавал его существенность для европейской мысли, был З. Фрейд. Его работа «Тотем и табу» производила на философа большое впечатление в его размышлениях о роли древних времен и их особенностей в жизни современного человека. Вместе с тем русский философ не разрабатывал отдельную теорию о том, как происходит становление личности в жизни человека, под влиянием каких особенностей. Это уже психологический срез проблемы, который он не учитывал. Именно поэтому он настолько доверяет своему персоналистическому парадоксу. Если бы он разрабатывал теорию становления личности человека, возможно, этого парадокса не было бы и все облагодало бы свойством слаженной концепции. Однако надо заметить, что его приверженность творчеству и свободе приводит мысль к тому, что она определенно касается только этих особенностей личности, и они превосходят по своему значению остальные мотивы в теме человека.

У Н. А. Бердяева есть еще социологический парадокс. Он наиболее интересен своей простой парадоксальной структурой. Философ отмечает, что не

личность есть часть общества, а общество есть часть личности. Спрашивается, как это возможно? По мнению русского экзистенциалиста, чтобы прийти к этой мысли, надо последовательно избавиться от элементов дискурса социальных наук, которые полностью охвачены объективацией, а значит несут в себе признак невозможности говорить о личности, свободе и творчестве, которые ставятся на первое место. К этому парадоксу можно подойти с нескольких сторон. Прежде всего нужно признать, что общество – это одно из понятий, присущих мышлению и, следовательно, само понятие «общество» становится одним из понятий, на которые человек обращает внимание. Но речь идет о понятийной среде. Если размышлять в контексте работ философа, то с необходимостью можно натолкнуться на идею, согласно которой личность человека не зависит от бытия, рутины познания, от всех сфер жизни и картины мира, где властвует объективация. Это означает, что ничто внешнее не способно сокрушить личность и столкнуть ее в мир объективации, который человек при рождении уже застаёт готовым со своими закономерностями и социальными отношениями. Поскольку человек в процессе становления его личности преодолевает свою приверженность природе, то он становится над ней и занимает верховную позицию. Именно это имеет в виду философ, когда говорит о том, что общество есть часть личности. Этот парадокс нельзя решить, он дан в философии и возможно становится одной из самых ярких идей русского философа [2, с. 54].

Парадоксальная структура антропологии русского мыслителя говорит о том, что с человеком связаны многочисленные тайны и глубина его личности становится отправным пунктом для подлинно антропологического мышления. Философская антропология основывается как правило на противопоставлении природного мира и человека, на контрадикции духовного и естественного, но возможно и другое отношение [10, с. 209]. А именно речь идет о том, что человек может познан только с точки зрения его свободы и творчества, которые проявляют в нем личность. В свою очередь, личность – это настолько высокий уровень бытия, которые абсолютно не связан никакими путями с природой, обществом, наукой из-за их связи с объективацией, которая для человека очень болезненна и ставит перед нерешаемым выбором. Он не позволяет человеку прийти к подлинному существованию и истинному познанию.

Удержание мышления в парадоксальном напряжении удается русскому философу с помощью аналогичных понятийных рядов. Один ряд: «царство кесаря», «объективация», «количество», «индивидуум», «природа», «рационализм», «общество» и

другие понятия, – находятся в статусе экзистенциального и содержательного противоречия с такими понятиями, как «царство духа», «качество», «творчество», «свобода», «личность», «персонализм» и др. Эти ряды осуществляют любую мысли философа и ставят его перед сознанием снова и снова входить в противоречие с основными стратегиями современного ему мышления [11, с. 187]. Понятийные ряды предельно точно закрепляют содержание мыслительной деятельности и позволяют вывести конкретное наполнение любого интеллектуального акта. Возникает вопрос о том, что является синтезом этих понятий, в каких категориях можно найти тождество данной понятийной среды? Ответ на данный вопрос может быть двояким: идеологическим и философским. Идеологический заключается в том, что Н. А. Бердяев не признает философские средства, которые укоренены в философии Нового времени, и то, что делали Гегель или Шеллинг, В. Соловьев и А. Лосев в русской традиции, не является определяющим для его экзистенциального мышления. В экзистенциализме и персонализме мысль должна сохранять противоречивость потому, что противоречивой является действительность, т. е. экзистенция. Философский ответ на этот вопрос лежит в другой плоскости и может явиться результатом определенного опыта изучения философии русского мыслителя. В частности, можно сказать, что все эти понятия, находящиеся в отношении противоречия, снимаются в таком понятии, как «человек», а также более точный вариант тождества связан с категорией личности. Личность примеряет данные противоречия и становится синтетической реальностью, которой можно приписать такой атрибут, как персоналистический разум. В личности постоянно сохраняется потенциал таких действий, как творческий акт и творчество в духе, которые уже многократно абстрагированы от противоречий более низкого уровня. Философ пишет: «Тот факт, что человек, как предмет познания, есть вместе с тем и познающий, имеет не только гносеологическое, но и антропологическое значение» [2, с. 84]. Такие науки, как психология, биология, онтология, вызвали в нем чувство отторжения из-за своей связи с процессом объективации и невозможностью учитывать в рамках этих дисциплин личность человека, ее творчество и свободу. Другими словами, русский философ ушел от тех сфер исследования и мышления, которые изначально не оправдывали его надежд на сущностное рассмотрение личности, свободы и творчества. Антропология в этом смысле отвечает данному запросу о том, что в ее рамках может быть достигнут результат, соответствующий ожиданиям философского мышления о качествах человеческого бытия.

Антропология сочетается с такими направлениями мышления, как экзистенциализм и персонализм. Более того, можно с уверенностью сказать, что человек – это благодарная тема уже потому, что мыслить личность абстрагированной невозможно, а значит, человек играет роль определяющего предмета познания.

Антологическое мышление носит парадоксальный характер, и можно выделить такие парадоксы, как этический, социологический, персоналистический. В них подчеркивается, что экзистенциальное мышление, отражающее парадоксальную структуру самой экзистенции, имеет определенную перспективу в исследовании человека.

Размышления о человеке связаны у Н. А. Бердяева с аналогическими понятийными рядами, которые в процессе исследования предельно точно закрепляют содержание, насыщенное противоречиями, парадоксами, новыми идеями и т. д.

Антропологические исследования являются для русского философа приоритетными потому, что они раскрывают основу для мышления о личности, ее свободе и творчестве. Личность является высшей реальностью после Бога, независимой от бытия, общества, психофизического дуализма, которая проявляет себя исключительно в актах творчества и свободы, что делает ее существование не связанным с гедонизмом и эвдемонизмом, но исключительно с волей проявлять свободу в творчестве и духе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Философия свободы // Бердяев Н. А. Судьба России. М. : ФОЛИО, 2000. С. 47.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека // Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. 701 с.
3. Usachev A. V. The theme of the mystery of power in the thought of N. A. Berdyaev : a Literary and Philosophical Study // Apuntes Universitarios. 2021. Apr. –Jun. T. 11, № 2. P. 115–128.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке : введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 3–30.
5. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
6. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 96–150.
7. Kasatkina T. The two-fold image and philosophy of personality in the works of F. M. Dostoevsky (Aug, 10.1007/s11212-020-09374-2, 2020) // Studies in East European Thought. 2021. Mar. T. 73 № 1. P. 121.
8. Usachyov A. V. The Inauthenticity Problem of Human Being in Russian Philosophy // Tarih Kultur Ve Sanat Ara-

stirmalari Dergisi-Journal of History Culture and Art Research. 2020. Jun. T. 9 № 2. P. 408–416.

9. *Chernyaev A., Tsygankov A.* Nikolai A. Berdyaev in the Netherlands : on the history of the catholic reception of Russian thought in the 1920s–1930s // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta-Seriya I-Bogoslovie-Filosofiya-Religiovedenie. 2021. № 97. P. 59–72.

10. The traits of social ideal in Russian philosophy of the XIX Century / S. Bystriantsev, E. Bagandova, S. Yeghiazaryan [et. al.] // Wisdom. 2021. T. 17 № 1 P. 205–211.

11. *Maidanskaya I.* The Russian Silver Age : the belated Renaissance // Studies in East European Thought. 2020. Jul. T. 72 № 2. P. 185–190.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

*Усачев А. В., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук,
E-mail: a.usacev@mail.ru*

*Yelets State University named after I. A. Bunin
Usachev A. V., Doctor of Philosophy, Professor of the
Department of Philosophy and Social Sciences
E-mail: a.usacev@mail.ru*